

Виктор Девера
Храм любви

Книга вторая. Леди грёз

Виктор Девера

**Храм любви. Книга
вторая. Леди грёз**

«Издательские решения»

Девера В.

Храм любви. Книга вторая. Леди грёз / В. Девера —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961956-3

В ряде религий девственность считается признаком особой духовной чистоты и святого целомудрия невест, что олицетворяет её белая фата. Слезами девственниц в древности пытались исцелять от недугов. Сюжетом данной книги также стало магическое явление исцеления врачом слепоты, путем жертвенного приношения своей девственности, лечащемуся у нее больному. Трагедия, развивающаяся на этом, стала интригой сюжета данного романа. Увлекательного всем чтения.

ISBN 978-5-44-961956-3

© Девера В.
© Издательские решения

Содержание

Леди грёз	6
Предисловие к роману	8
Часть 1-я	9
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Храм любви

Книга вторая. Леди грёз

Виктор Девера

© Виктор Девера, 2019

ISBN 978-5-4496-1956-3 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-1957-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Леди грёз Роман

«Право господина» Василий Паленов, 1874

«Право первой ночи» Жюль-Арсен Гарнье, 1872

Предисловие к роману

Краткое содержание

Сюжет романа начинает развиваться в больнице между лечащим врачом и его слепнувшим пациентом, который влюбляется и в снах признается в этом ей. События проходят в снах и воспоминаниях довоенного и военного времени. Трагедия заключается в том, что в отношении любви включается осознание разности в возрасте, ревности коллеги и нетрадиционное целомудрие женщины. По ходу сюжета женщина-врач расстается со своим целомудрием ради мифического прозрения мужчины путем наложения повязки из девственной крови ему на глаза. Соединение всех этих обстоятельств ведет к трагедии.

Читателю

Читатель, многоуважаемый читатель, самый строгий и бескомпромиссный, только вы можете сказать, жить или не жить этому нестандартному роману. Сюжет романа составляет философско-эротическая трагедия девственной любви, рассказанная в стихах и прозе.

Поднята, можно сказать, щепетильная тема, требующая особого раскрытия, осмысления и такта, которая потерю невинности традиционно делила жизнь девушки на «до» и «после». В настоящее время она уже становится товаром, если не привилегированным правам хозяина, как в старые времена.

Порой кажется, и не стоило, как обычно в романах акцентировать внимания на этой теме. И что делать? Все-таки поднята, скорее к своему несчастью и разочарованию, так как чувствую шквал недовольства приличной публики. Что в романе удачно, неудачно? Вам решать.

Примите извинение за назойливое вступление и за интимную откровенность, которой не удалось избежать по сюжету романа.

Часть 1-я

«Встать! Суд идет!»

Собравшиеся встали, и когда суд уселся, все вновь сели. Прокурор зачитал обвинительное заключение. Потом дали слово потерпевшей, или скорее основной свидетельнице.

Молодая женщина лет тридцати в черном платке, повязанном на голову как берет, стала рассказывать историю произошедшей трагедии. Конечно, она воспроизводила историю не так подробно, но подробности она и её окружение раскрывали как просто в беседах, так и следствию. Для ясности читателям все они включены в ее повествование этой истории в суде.

– Я увидела его первый раз в стенах своей глазной больницы, – рассказывала она. – Он поднимался по лестнице. Со своим врачом из ординатуры мы обсуждали текущие проблемы по новому поступлению больных. Обратив внимание на двух симпатичных женщин в белых халатах, седовласый, но стройный мужчина пошутил:

– Говорят, что после отбоя здесь мужчин переводят в женские палаты. Это правда?

Я, повернув голову и с безразличием посмотрев на него, несерьезно ответила:

– Не знаем, не знаем, а в какое отделение вас положили, у вас это может быть и правдой, но в нашем отделении одни пенсионерки. Зачем они вам?

– Неужели ничего путного нет? А я губы раскатал, – ответил он и как будто смутился. Встретившись с моим взглядом, улыбнулся и прошел дальше. Потом опять остановился и, уже лукаво улыбаясь, обратился как будто ко мне.

– Скажите, солнышко, а тем, кто с утра Мальвина, а к вечеру Буратино, отдельной палаты не выделяют? У меня в мужской палате по утрам бюстгальтеры будут рваться. А сны – ну просто авария: с вечера кого-то насилую, а утром в них уже рожаю.

Моя напарница, усмехнувшись, ответила ему:

– Не переживайте, мы это устраним и лишнее обрежем, проблем не будет. Будете как все, тем, каким поступили.

– Вот так всегда, всех под одну гребенку, даже Змей Горыныча и Химеру в одну палату положите.

Я помахала ему рукой в знак того, чтоб он удалился и не мешал. Он скрылся за дверью.

Как глазной врач и хирург нашей бесплатной больницы, уже давно привыкла к разным людям, поступающим к нам на лечение. Вся наша больница была похожа на большой конвейер. Люди месяцами ждали операций, одну две недели лежали и выписывались, их места занимали другие. Ко всем им я выработала себе правило – относиться внимательно и с уважением, даже если поведение их могло показаться странным. Через мои руки прошли сотни людей, и я практически выделить и вспомнить кого-нибудь никогда не могла. Только сложность операции, которая требовала особого подхода и вызывала интерес в моей научной и практической работе, выделяла в памяти человека. Точнее, я помнила случай решения проблемы, а не самого человека, такова специфика работы каждого врача.

К моему удивлению, мужчина, с которым мы встретились на лестнице, оказался пациентом, приписанным на лечение ко мне, и я ему должна была делать операцию. Это выяснилось, когда я зашла в ординаторскую и начала вести осмотр своих больных. Как обычно, сначала знакомилась с историей болезни, тут вновь вошел он и задал опять дурацкий вопрос:

– Тут в одной из палат у некоторых больных повязки ниже пояса и сзади. Неужто вы им операцию на глаза делали через прямую кишку?

– Да, – ответила я ему, – мы делаем так операции, если глаз и язык растет не оттуда, как положено у всех. По благу и вам можем сделать такую же. Я распоряжусь, и вам сделают клизму прямой кишки, а заодно и мозговой оболочки, чтоб чушь не несли. Садитесь к прибору, покажите мне свои глазки, я их посмотрю.

– Я стесняюсь, – опять съязвил он, но покорно сел на стул передо мною.

– С языком и юмором у вас, кажется, все в порядке.

– Вы мой лечащий врач?

Я подтвердила его догадку и представилась по полной форме. Мужчина внимательно посмотрел на меня и перекрестил.

– Какая молодая, хоть галстук подвязывай, пионерка. У меня язык поломается сказать Ксения Андреевна – Ксюша, и дай вам бог удачи.

Осмотрев всех остальных, добавил:

– Я вообще, кажется, в пионерский лагерь попал. Галстуки хоть всем подвязывай. Расплавлюсь от такой красоты, как манная каша от масла.

Кто-то из присутствующих врачей усмехнулся. Моя напарница, сидевшая недалече, добавила:

– Это не значит, что к врачу можно обращаться только по имени. Это выражение неуважения.

– Да вы все красавицы, принцессы, и вам подойдет только ласковое обращение, – ответил он и уже после осмотра назвал меня опять «солнышком».

Я за годы своей практики привыкла к множеству случаев такого необычного обращения и не стала возмущаться, приняла это как возможное. Он пожаловался на боли в груди. Я попросила раздеться до пояса, чтоб осмотреть, и пройти за мною в другую комнату.

– За вами хоть куда, – ответил он и добавил: – А раздеться до пояса от ног али как?

– Али как и без шуток.

– Я как дочь попава: к любви и верности всегда готова, – уже без особого оптимизма, скорее по инерции отреагировал он.

Я оставила его очередную шутку без внимания. При осмотре груди обратила внимание на его опухшие соски. При сдавливании их он чувствовал небольшую боль. Мне показалось, что при всем его внешнем, казалось бы, легкомысленном флирте с женщинами, он вел довольно аскетическую жизнь. То, что он давно не имел никаких половых контактов, для меня стало ясно как божий день.

– Как у вас с сексуальной жизнью? Мне кажется, что её у вас нет, – сказала я ему.

Он сконфузился слегка, но сразу отшутился:

– Выкиньте эти мысли из головы, все нормально, и эрекция есть, и выходит хорошо, и обратно не сложно.

– Так вот, чтоб обратно несложным было всегда, нужно иметь регулярную половую жизнь, а не изображать донжуана. Вы еще красивый, хоть и седой мужчина. Рано завязывать. Иначе придется действительно положить в женскую палату и выписать справку с разрешением ходить только в женскую баню.

Я дала ему еще несколько советов относительно серьезности его симптомов и через день объявила об операции. Он от неожиданности скорой операции не знал, как отреагировать. Согласившись с моим решением, с благодарностью удалился, назвав меня, как положено, по имени и отчеству.

Однако в день операции, когда он уже лежал на операционном столе под наркозом, он, как в бреду, при ощущении обострения боли повторял: «Ксюша, Ксюша, Ксюша – юбочка из плюша». Когда же мы его просили смотреть на ноги, он отвечал, что не видит ни своих, ни наших ног. «О, если б я погладил их, то чувство боли сразу потерял. Красота для меня как наркотик. При её ощущении у меня и ноги раздвигаются, и глаза разбегаются».

– Нет, вы посмотрите, какой больной, несет всякую ерунду и лицевой наркоз не берет, – прошептала ассистентка.

Под ножом он вел себя беспокойно и при слабом ощущении боли напрягался или неудачно шутил. Так, видимо, он пытался заставить себя не думать о боли, но это мешало

спокойно вести операцию. Мне приходилось его успокаивать и постоянно что-то говорить или отвечать на его несурзные вопросы.

– Милый мой, терпите, вы же мужчина, – шептала я ему обычное утешение, – и уже в его духе пытаюсь его отвлечь и успокоить, даже заметила: – А ноги вам лучше сжимать, а не раздвигать, вы не дама. У каждого врача свой подход к пациенту и ничего необычного, как мне казалось, я не говорила. Однако он, похоже, воспринял моё обращение по-своему, хотя все равно и это слабо действовало на него. Обращаясь к своей напарнице, пожаловалась, что мне всегда попадают неудачные пациенты, у других больные на зависть ведут себя более спокойно. Он, слыша наши разговоры, соглашался со мной, подтверждая тем, что с детства был чувствительной натурой, не любил ни уколов, ни шприцев, ни тем более ножей и не способен лежать дохлой кобылой ни под ножом, ни в любовной постели.

Призывая его к спокойствию, терпению и расслаблению, я не уставала напоминать ему, что он является представителем мужчин, и хвалила его, когда он расслаблялся. Моя напарница, наоборот, требовала жестко выполнять мои просьбы и указания, а порой просто заставляла его замолчать и не моргать, так как это мешало работе. Когда операция закончилась, я с облегчением вздохнула. Вечером, перед уходом, я зашла в вестибюль и, остановившись перед зеркалом, решила подкрасить губы.

– Вам помочь? – услышала я сзади знакомый голос.

Несколько часов назад прооперированный мною больной с перевязанным глазом стоял сзади и, мило улыбаясь, продолжал:

– Я сделаю это не хуже вас, и не только на губах.

– Боже мой, – обернувшись, промолвила я: – Вам нужно лежать, вы еле стоите, от наркоза еще не отошли, а пытаетесь оказывать внимание женщине.

– Не волнуйтесь, пока меня ещё с горшка не сдувает. Я нормальный мужчина. Вышел посмотреть на вас и, наверно, поднялся бы ради этого из могилы. Такое желание вызывают не все женщины.

– Это вас и спасает от моего гнева. А еще вы напоминаете мне одного любимого артиста кино. Правда, вы старше, но говорят, что истинная красота мужчины проявляется с годами.

– Просто с годами мужчина больше ценит красоту женщины, особо внутреннюю. Хотя говорят, что любая красота, пусть и святая, имеет под собой греховное начало и сильное увлечение всегда опасно сильным разочарованием.

– Вы неисправимы, а вам и рассуждать опасно. Покой, сон и опять покой.

Я подозвала сестру и попросила его увести в палату. На следующий день, посмотрев его глаза, результатом операции была не совсем удовлетворена. Ему я сказала что-то неопределенное, требующее еще наблюдения и дополнительного лечения. Несмотря на то, что для радости пока оснований не было, он принес в ординаторскую букет из больших ромашек и при всех врачах вручил мне. Это было приятно, однако моя напарница спросила: «А мне?» – и он, достав несколько шоколадных плиток, вручил ей. Она обрадовалась и спустя немного времени мы сели пить чай.

Так повторялось каждый день, он после осмотра или перед ним заносил нам в ординаторскую что-нибудь к чаю. Однажды даже угостил парой баночек черной икры. Интересно то, что поначалу он подал их мне. Я отказалась. Он предложил другим – последовал такой же отказ. Тогда он, обидевшись на нас, положил их на стол. Одну банку все съели, а другую отнесли мне на кафедру, которая была моим личным кабинетом. В нем я периодически общалась со студентами и занималась с молодыми последипломными специалистами, как кандидат медицинских наук.

После того как он узнал, что у меня есть отдельный кабинет, он стал приносить подарки туда. Мне было приятно, и я принимала, хотя всегда говорила, что ничего не надо, что он и так закармливал нас всех сладостями. Мы не знали, что за подарками ему постоянно приходилось

выходить за пределы больницы и, похоже, холод отрицательно влиял на его глаза. Я как-то осматривала его глаза и, как обычно, просила его смотреть то на ножки, то на себя. Он смотрел на мои глаза, восхищался ими и просил сделать ему такие же, говоря:

– Если у меня были бы такие глаза, как у вас, женщины с моих рук не слезали бы. Они все просили бы утопить их в моих глазах. И в них они плескались бы как божественные русалки. Выходили по ночам и пели свои песни, засыпая меня венками из лилий. Те, которые хотели бы мальчиков, жили бы у меня в правом глазу, а те, кто хотел девочек, жили бы в левом глазу.

Я усмехнулась и помахала пальчиками, чтоб он остановился в своих восхищениях, и он замолчал, добавив:

– У вас же глаза, лелеющие очарование, таёжные озера чистой воды любви.

– Ну, уж наговорили. Большие глаза всего лишь фактор женственности. Говорят, наличие женских гормонов как-то влияет на величину глаз, но это не безусловный факт. У моей напарницы тоже глаза большие, почему вас волнуют мои глаза?

– Ваши глаза лучезарны, а на маленьком, с невинной теплотой лице они как большие теплые и солнечные ромашки. Голубые, голубые и в загадочную крапинку, как небо в ясную погоду и после дождя. Они создают уникальный аромат божественной симфонии красоты. Мимо них равнодушно пройти невозможно.

– Маленькое лицо у меня потому, что уже давно оно высохло от старости. Сзади я ещё пионерка, а спереди, если хорошо присмотреться, уже пенсионерка.

– Неправда. Я бы дал вам лет двадцать пять, но учитывая, что вы давно имеете ученую степень, то вы почти бальзаковская красавица. Роковой для женщины возраст, определяющий её дальнейшую судьбу, если она не замужем. Вы, мне кажется, посвятили свою жизнь науке, но можете оказаться в ней соломенной вдовой. Отдаться науке – это все равно, что отдать душу Богу и быть вечной его невестой. Её же надо отдавать не Богу, а любимому человеку. Божьих ласк в благодарность вы не дождетесь.

– Ну, знаете, не знаю даже, что вам сказать, – в замешательстве от его некорректности отвечала я, подыскивая возражение. – Было бы кому служить. Не каждая женщина ждет ежедневной мужской заботы, как и имеет силы также проявлять ее мужчине. Современная жизнь действительно требует большой отдачи человека работе.

– Вот-вот, она и обожествляется корпоративной этикой, и мы, как социальные скопцы, уподобляемся служителям божьим в монастырях, служа работе как святому делу. Это плач нашего времени, – заметил он.

– Это наша общая судьба, где служение призванию как Богу подменяет все радости жизни.

– Кто-то из нас рожден для семьи и детей, кто-то идет за своим призванием. Эмансипация нас оторвала от традиционной семьи, где женщина была подчинена ей. В жизнь некоторым женщинам нужно право на другую форму семьи, без бытовых забот. Одно другое отрицает. Хотя и отношения любви требуют чего-то нового. Любовь делает человека слабым и уязвимым.

– Зато счастливым, если её не делать оружием, и нужно выбирать, – возразил он.

– А что выбирать? Я получаю от работы удовольствие и всегда вижу результаты своего труда в виде благодарности от своих больных. Не каждая женщина получает такую благодарность в семье от мужа и своих детей. Мужчин достойных того, чтоб им посвятить свою жизнь, в настоящее время не видно. Настоящие мужчины все в работе, им тоже не до женщин и детей. Быстрый завтрак на ходу и такая же быстрая любовь – вот символ нашей бегущей действительности, если не отказ от неё. Любовь, говорят некоторые, выдумали бедные, чтобы иметь удовольствия на халяву. Сейчас мужикам легче купить женщину, удовлетворить страсть и не обременять себя постоянной заботой о ней, если не существует бытовых проблем. У меня тоже есть свои друзья, свои любимые места отдыха, я не хочу отказывать себе в этом ради друга, с которым свои желания надо будет согласовывать или даже отказываться.

– Это же апокалипсис, человечество с таким развитием вымрет или настоящим мужчиной будет считаться тот, кого каждый второй ребенок будет считать своим папой. Во время революции революционерка А. Коллонтай выдвинула в любви теорию стакана воды. По ней любить, это как утолить жажду чувств. Испил стакан любви и пошел дальше, к победе коммунизма. За границей Симона де Бовуар тоже ратовала: «Ни брака, ни детей, только свобода любви». Любовь же рассматривала не как самопожертвование себя возлюбленному, что сравнивала с самоубийством, а рассматривала её как возможность самоутверждения. Отдала себя полностью науке. Её книга «Второй пол» наделала много шума. У той и другой любовь не была самоцелью, и они её оттесняли на второй план, не понимая того, что в самопожертвовании может быть и социальная среда самовыражения. Та и другая всё-таки выходили замуж и измену мужьям простить не смогли, так как любовь для них не была социальной формой полного взаимного самовыражения. А условия брака не фиксировали общественную необходимость. Ввиду этого детьми ни мир, ни себя так и не осчастливили. То, что их взгляды для развития общества не рациональны, жизнь доказала.

– Если общество будет ориентироваться на прирост биоматериала, то это не такая уж сложная задача, но она слабо связана с личным счастьем, – возразила она. – Эти великие женщины, о которых вы упомянули, были бесконечны в стремлении к своему счастью. Каждому надо давать своё.

– Ну, если так рассуждать, общество может свою репродуктивную значимость потерять.

– Это проблемы общества, а не личности.

– Нет, нет, ни в коем случае, вы ошибаетесь, одиночество – это трагедия и женщины. Здесь, скорее всего, нужны условия, на которых женщина и общество были бы в согласии, и условия узаконенного секса как любви определяли и ту и эту необходимость. Прав я или нет, время покажет. Перед женщиной всегда стоит выбор жертвенности своему «Я», мужчине, детям.

– Может быть, может быть, вы и правы, но пока социальные условия не учитывают этого, их матрица требует жертвенности только семье или работе. Конфликты счастья этим и определены.

– Пока общество не научится находить во всех случаях приемлемо-обобщающее согласие развития жизни, оно не сможет называться благим, и женщины будут жертвовать одним ради другого.

– Вы, медицинские работники, сестры и братья милосердия, разве не служители Бога, неужто допустите того, чтоб женщины жертвовали продолжением своей плоти?

Я усмехнулась.

– Ваши умозаключения смешны.

– Ничего и не смешные. Изначально служители бога занимались и телесным, и духовным здоровьем людей, а значит, и счастьем, и любовью. Почему бы ныне вам не вменить эту обязанность? Для этого нужно только видеть, что любовь – это инстинкт продолжения рода, получения счастья и здоровья. Не находит человек этого счастья в жизни – болеет. Представьте, вы в руках с крестом спасения с молитвой даёте пилюли спасения или жрицу духовного исцеления. Нужен всего лишь врач в исцеление с отделом духовного дообследования. Всё сразу упростится.

– В чем-то вы правы. Сестры милосердия были первыми медицинскими спасителями на войнах. Мы и сейчас несем этот крест.

– Женщина, как святая энергия красоты, всегда возбуждает любовь и уже этим исцеляет и с этим призвана Богом идти по миру.

Так, сбиваясь с одной мысли на другую, мы часто разговаривали при его осмотрах. Порой рассуждая о женщинах и мужчинах, утверждал, что женщина, хоть и начинает любить ушами, все равно стремится жить ощущениями сердца, то есть любовью, а это зависит не только

от слов. Хотя современные женщины старше восемнадцати лет уже влюбляются не ушами, а мозгами. Мужчины, естественно, влюбляются по-прежнему глазами. В этом говорит их природа, но всегда стараются жить рассудком. Проявляя отношением к женщине свои первые чувства, они тем самым как бы вытаскивают и показывают им своё Адамово ребро: если оно подходит женщине, они получают взаимность. К сожалению, время мужской взаимности не вечно и всегда зависит от легкости замены объекта любви. Чем моложе мужчина, тем чаще думает той головой, которая не на плечах, да и молодки в молодости тоже инстинктивно думают межбедренной совестью.

В любом случае любовь женщины традиционно ответственна, вторична и в сформировавшейся женщине больше разумна. Её взаимная любовь либо заменяет романтическую любовь страсти мужского воображения на любовь душевную, либо нет. Для того чтоб это произошло, от женщины требуется проявление таланта любви. Если его нет, нужно идти в школу религии любви или в больницу. Искусство любви требует своей религии и своей клиники. Потому вам, женщинам, утверждал он, впору стать частью некоей спасительной религии будущего. Таким утверждениям я не возмущалась, но иногда просила помолчать, ссылаясь на то, что это мешало обследованию.

Помню, утверждал, что если мужчина влюбляется в красоту, то это увлечение. Живет же больше с характером, это его быт – душевная любовь. Однако соединяется полностью с женщиной духовной любовью – только общим мышлением, интересами и увлечениями. В его понимании было убеждение, что любовь увлечения всегда требует от ИНЬ и ЯН только страсти и жива, пока тепло её греет. Душевная же любовь живет столько, сколько есть энергии взаимного душевного внимания и отказа от себя ради другого. В этой любви, утверждал, что женщина готова возносить себя к божеству через вознесение мужчины до себя.

Как тут можно было реагировать, я не знала, ведь это нельзя было ни признавать, ни отвергать. То, что взаимная духовная любовь может быть вечной и что она не требует альтруизма, могло быть как сомнительным, так и нет. Утверждал, что в ней нет жертвы одного ради другого, как и убийства своей самости. В ней люди срастаются друг с другом. Душа одного мигрирует в душу другого, и происходит реинкарнация чувств в одно целое, превращая отношения в идеальную любовь. Даже физическая измена не может разорвать их. Гибель одного порождает порой гибель и другого. Чтобы этого не произошло, нужен соответствующий врач.

Я как-то даже поддержала его в таком убеждении, и его в рассуждениях понесло дальше. Он стал утверждать, что врач чувств, семейный доктор, семейный священник – должны быть в единой службе. Религия получила бы возможность продлять или укорачивать жизнь уже не на небесах, а в реальной жизни. Утверждал, что врачам всегда легче решать, кому дарить или не дарить бессмертие. Если бросить на весы дела грешные и дела добрые и перетянули добрые – получай таблетки для любви и продления жизни, превысили грешные – отказать. Необходимо только сотворить религию любви как форму исцеления от телесных и душевных недугов. Ниспослание любви должно быть формой терапии исцеления.

Когда же я спросила его, кто же будет платить за такой сервис, Бог или государство, он ответил, что мы, медики, должны стать слугами двух господ, государства и Бога. Основные и дополнительные наши стимулы ставил в зависимость от соблюдения социальной нормы больных, продолжительности жизни жителей и благополучных семей того района, который обслуживает медицинское учреждение. Тогда бы, старался он убедить меня, ваша служба могла бы через святость откровения заставить всех каяться перед процедурой исцеления, даже в грехах. Лечение каждого грешника было бы более эффективным. Рассматривал болезни как грешные накопления.

Я молча слушала его наполовину шуточные, наполовину как будто серьезные фантазии и лишь качала головой. Когда же спросила, за какие грехи постигла его глазная кара, он, увлекшись в своих фантазиях, вполне серьёзно ответил, что не верил в Бога. Потому и верил тому,

что медики должны служить Богу, а их исцеление каждого – быть манной с небес за привнесение больными в мир добра. В этих рассуждениях он казался искренним и счастливым. Похоже, у него не было другого терпеливого слушателя кроме меня. Излагая свои доводы, убеждал меня в том, что если бы стимулы врачей зависели от качества здоровья их пациентов, то они бы бегали и беспокоились о здоровье и счастье любого закрепленного за ними жителя, а не ждали, когда они пожалуют со стонами к ним сами.

Наконец, на утверждение, что телесное и духовное здоровье взаимосвязаны и только мы можем создать чудо, облегчив страдания людей, создав Рай или Ад на земле, я возмутилась.

– Что вы говорите?! Упаси боже, из медицины делать Ад, для этого есть судебная караящая система, – возразила я. – Дарить Рай куда бы ещё ни шло. У нас в Москве есть и поликлиника с сестрами милосердия, и больница.

Он усмехнулся и задумался.

– Ничего смешного, – опять добавила я, смотря на его реакцию. – Всё серьезно. Если Рай как дар любви и здоровья, то это не только Божья вотчина. Мы, медики, сейчас заботимся не только о телесном здоровье, но и о душевном и психическом и этим как бы помогаем богам.

– Если вы заботитесь о телесном и душевном, – возражал он, – то сферу интимных услуг, наверно, нужно было бы легализовать и подчинить медицине. Как бы там ни было, интимные услуги – это телесная забота, а порой даже единственная форма исцеления от некоторых недугов, порожденных социальной неразрешённостью. Медицина перешла бы на самоокупаемость.

– Ну, этим, видимо, должны заниматься сексопатологи и их клиники, – отвечала ему я. – Здесь есть почва для размышлений, не потому ли вы усмехаетесь, видя в том необычную постановку проблемы? – ответила я.

Он по этому поводу просто заметил, что вспомнил своё и, наверно, согласен со мною. Потом, как-то вспомнив этот разговор, стал утверждать, что в системе современных ценностей нажива всё. А так как религия и власть её служанки то и законность сексуальных отношений принадлежит только семье. Медициной обусловленные сексуальные связи насколько могут быть тоже законны? Из-за имущественной необходимости не каждый способен будет их себе позволить. Деньги уродуют систему ценностей любви. Они якобы должны создавать семейный и бытовой рай, но, увы, не выполняют в полном объеме этой функции и убивают её искренние проявления. Обидно и то, что на предприятиях социальные доплаты работникам не зависят от количества и качества в их коллективах семей, детей и любовных отношений. Все это было необычными его убеждениями, но утверждал, что нужно, чтоб каждое предприятие старалось освободиться от холостых работников и заботиться о любовных отношениях в своих подразделениях. Доплаты социальные за это можно делать от налогов на холостяков, включая женщин, и из прибыли за счет социальной оптимизации налогов предприятий. Семьей в этом случае, пусть неполной, считать и одинокую женщину с ребенком, даже если её ребенок какое-то время находится в продленке или в социальном детском пансионате за счет предприятия. Это как-то может напоминать патронатную семью, когда ребенок не связывает руки матери полностью, а общается с ней и отцом только в определенные дни недели. Все это должно быть увязано с желанием и возможностью родителей. Такого требует логика развития счастливого социального общества, и семья не будет полностью поглощать женщину и мужчину, оставляя им время для занятия любимым делом.

Его суждения не были ответом на мои возражения, но я решила не развивать этой темы и тактично перевела разговор ближе к своим обязанностям с заботой о зрении.

– Ну, да будет вам рассуждать о глобальном, мне приятней разговор о глазах. Это моя стихия. Глаза человека у каждого свои, и красивы они не размером, а отражением его души. Мне так кажется, что ваши глаза тоже привлекательны. Сознаться, что нравитесь многим женщинам, и, наверно, много женщин в жизни знали. Вы и сейчас мужчина хоть куда. Дети-то есть?

– У меня взрослая дочь, – отвечал он. – Она уже выросла, хотя думает так же, как вы. Я ей говорил, что когда я её родил, то обогатил мир, но о своём достатке тогда не задумывался, хоть условий для жизни не было никаких. Я снимал квартиру. Ныне обеспечил ей образование и жильё. У неё есть все, и даже любовь, но рожать пока не торопится. Раньше, наверно, действительно был мужчина хоть куда. Но с женой расстался. Хоть поклоняюсь красоте до сих пор, на брак не решаюсь, как будто не хватает времени и решительности. Красота для меня всегда божественное явление. Она как винный пресс для вина любви.

– Любовь – это Бог, утверждают многие религии. Вы, похоже, спец в этом деле.

– И я с этим не согласен. Спец Бог, а я всегда робел перед красотой. Аромат красоты мне кружил голову, испить не решался, цепенел от её очарования и превращался в манную кашу, размазанную по тарелке очарования. Потому девушки в молодости старались не увлекаться мною, им больше нравилась решительная настойчивость, дерзость или финансовая состоятельность. Я же к большим деньгам никогда не стремился и к длительному ухаживанию был не способен, жалко было времени. Да и к семейной жизни долго не был готов. Я, как и вы, всегда был увлечен делом или занят самообразованием. Однако с другими женщинами, которых ценил невысоко, мог быть иным – шутивно-наглым. Порой рассматривал их очарование лишь как апартаменты отеля соответственной звездной красоты, где отдых требовал денег. В этом не видел большого счастья, но они могли увлечь, хотя тоже боялись моего увлечения и бросали. Я особо не страдал. Так по-настоящему счастливой не сделала меня ни одна, как и я ни одну. Некоторые посвящали даже мне стихи и хотели иметь от меня ребенка, не требуя большего, но не возбуждали во мне истинных чувств. Подперло время, но, так и не встретив своей песни, женился. Жене через стол покажу, и ей достаточно – понесла, а если соседка подсмотрела, то и она в родственники напросилась. Только женщины ныне пойманной радости донести до стола жизни то не хотят, то не могут. А сейчас мне уже можно справку выписывать с разрешением в женской бане мыться.

– Да вы у нас на пенсионера не похожи. Если вы ещё равнодушны к женской красоте, то с мужским здоровьем у вас все должно быть в порядке, и такая справка насмешкой станет. Ваш возраст у многих молодых и неопытных в любви женщин еще может вызывать интерес. Вы же красивый, мужчина хоть куда.

– Спасибо за лесть, обрадовали. А у вас дети есть?

– Нет.

– Значит, должны иметь много поклонников.

– Увы, я не такая, как вы, но вы не совсем полно ответили на мой вопрос. У вас, как у любвеобильного мужчины, покоренных поклонниц, наверно, много было? Вы в таком возрасте, что уже не стыдно и признаться. Говорят, чем больше у мужчины было женщин, тем он состоятельнее и богаче душевно.

– Вы не правы, да, я уже стареющий мужчина, хоть душа молода. Раньше, как уже сказал, времени и не было на дам, все куда-то к чему-то бежал, а сейчас дамам нужны только деньги. Бог нам отпустил 300—400 лет жизни, а мы в своей суете выживания не дотягиваем до 100. Говорят, что пока мужчине небезразлична женщина и сохраняется влечение к интимным отношениям, он молод. Проблема соответствия душевного и физического старения остается неразрешённой. Однако я могу утверждать: гордость мужчины составляет не количество оставленных женщин с поднятыми юбками, это он как раз склонен скрывать. Гордость мужчины в качестве отношений. Качество же в том, сколько женщин не призирают и не бросают его, а стараются быть рядом с ним и по-прежнему любят его, несмотря на то, что рядом с ним, возможно, другая женщина. Когда эти женщины признают и уважают его выбор, то это значит, что ни над кем из них он не посмеялся. Право на новую любовь такие дамы предоставили ему сами. От этого понимания зависит многое. Сейчас я уже на любовь не рассчитываю. В моем положении получить душевную дружбу и гордиться ею – это душевное счастье.

Помню, вспомнив тогда, что его нужно вести на специальные процедуры, я прервала эту беседу. Сказав, что надо идти на УЗИ, я его повела. Необходимо было посмотреть его левый глаз. Он вызывал у меня беспокойство. После операции там собралась вода, и я боялась, как бы мне не пришлось его снова положить под нож.

– Мы зашли в лифт, и лифтер спросил, на какой этаж. Я назвала этаж, а спутник пошутил:

– И как можно скорей. При отказе техники придется нести на руках, никто не возражает?

В кабине лифта были посторонние люди, и я, возмущившись, одернула его.

– Вам бы лучше думать о своих глазах. Ишь, какой шутник самоучка.

– Да вы не волнуйтесь, – ответил он. – Ваш тихий чарующий голос не предназначен для гнева. Что касается глаз, то моего левого глаза уже нет. Он разродился слепотой навсегда. Вы его не спасете, даже если через кесарево сечение постараетесь вытащить часть зрения из другого глаза, увы, я на такой оргазм не готов. Это мне божье наказание за то, что часто подмигивал красивым женщинам. Даже если как сувенир на память вы оставите в нём свой скальпель надежды, я не замечу вашего подарка.

– Мы вам не обещали вернуть зрение, – возразила, все еще не успокоившись, я. – Мы просто останавливаем процесс дальнейшего распада вашего зрения.

– Распад идет во всей моей натуре. Собрать бы последние силы и спеть свою последнюю песнь. Хорошо бы под занавес жизни получить ощущение любви. Тогда сказал бы, что прожил эту жизнь не зря и лет 5—10 для ощущения такого счастья даже много.

– Интересно, и в чем смысл и почему только 5—10 лет? Странные вы, мужчины, всю жизнь гонитесь за каким-то временным ощущением счастья. У большинства женщин все сложнее: их полное счастье все-таки в детях.

– Это неправда, никакие дети, ни семейное бремя забот не лечат от душевной боли, а вечной любви никто обещать не может. Острое ощущение счастья любовь дает только в начальные годы совместной жизни. Можно прожить и меньше, и больше, но все равно желательно умереть на её излете сладкой смертью любви, а не от старости и болячек. Хотите верить, хотите – нет, но этот диагноз лечению не поддается.

– Да, лечение души – это за пределами компетенции нашего лечебного учреждения, а с такими желаниями лечение необходимо. Это крайности.

– Голову и душу врачи действительно еще не научились лечить, даже Бог с этим не справляется. Не потому ли лебедь после потери возлюбленной поднимается в небо и, пропев прощальную песнь, бросается вниз, и счастье петуха не может быть счастьем лебедя.

– Какой же вы все-таки невообразимый циничный романтик, – усмехнувшись, ответила я ему, уже идя с ним по коридору. – В вашем возрасте такого быть не должно.

– Наоборот, человек, проживший основную часть жизни в мирских заботах о хлебе насущном, в жизни которого было не до романтики, эту роскошь может все-таки себе позволить. Когда мирских забот уже нет и остается стремиться только к красоте существования, все остальное уже не имеет смысла. В моем возрасте дарить любовь, дарить то, что имеешь, уже становится смыслом жизни. На том свете мне ничего не надо, кроме души, очищенной любовью. Она – её чистилище.

Я ничего не ответила. После просмотра на УЗИ обрадовалась, что в его глазах произошли положительные изменения.

– Вы молодец. У меня появилась надежда, что я могу исправить положение без хирургического вмешательства. Уж очень мне не хочется вас резать второй раз. Думаю, еще сможете подмигивать красавицам и левым, и правым глазом.

Он взял мою руку и попытался её поцеловать. Я отдернула её. Он произнес с присущей ему благодарностью:

– Я целую вас и ваши золотые руки за ваш труд и успех.

– Я вас тоже целую, – ответила без эмоций ему я, но это вырвалось автоматически, неожиданно для меня самой.

Возмутившись сказанным, я вышла из кабинета, указав в коридоре ему направление движения, пошла в другую сторону. Мне показалось, что его отношение ко мне перешло границу общения больного с его лечащим врачом. Эти отношения стали, похоже, переходить в открытые отношения, которые могли вызвать нездоровый интерес окружающих сотрудников. Нет, я не боялась за свою репутацию, но подавать какие-то надежды этому, хоть и интересному, мужчине не было никаких оснований. Однако для себя я отметила, что отношусь к нему не с обычным безразличием, которое проявляю ко всем остальным своим пациентам.

На следующий день, осматривая его глаза, я вновь обнаружила, что состояние их ухудшилось. Я пригласила других специалистов, и мы все пришли к мнению, что больного нужно готовить к повторной операции. Однако на следующий день в больнице произошла авария с водоснабжением, и операцию пришлось отменить. Несмотря на то, что больница находилась в центре столицы, ремонтные дни длились три дня. Перед днем операции я вновь осмотрела его глаза и отметила в них улучшение.

– Я выпил с друзьями по палате, а, как известно, спирт очищает сосуды, поэтому вы сегодня и наблюдаете положительный результат, – разяснял он случившееся.

– Вы нарушили режим. И выпили не с друзьями, а с медсестрой. Мне об этом уже доложили. Вас застукал в комнате медсестер дежурный врач, – я говорила осипшим голосом и слегка подкашливая.

– А, это тот молодой доктор, который к вам равнодушен. Я заметил, он иногда к вам подходит сзади и пытается незаметно вас погладить. Представляю, что он мог вам наговорить. Это вы с ним потеряли голос? Говорят, где женщина теряет голос, там оставляет и честь.

– Честь у меня всегда с собой. И какое ваше дело, что и где у меня.

– У меня тоже все там же, только не знаю, в каком кармане.

– Не надо искать. Она у вас вся на вороте рубашки в губной помаде, а вы пытаетесь оправдаться. Вы действительно любвеобильный мужчина, и возраст, похоже, на вас не влияет.

– Да вы шутите, помады нет и не может быть. Я действительно выпил с ней, но только за ваше здоровье, во спасение своего, и инициатива исходила не от меня. Я не виноват, что у вас медсестры, равнодушные к коньяку. Его ж у вас на халяву им не выдают.

– Много выпили? – с усмешкой спросила его.

– Всего три стопки, за ваши глаза, за ваши руки и за вашу душу. Теперь ваша очередь выпить за мое здоровье.

Он подал мне подарочный пакет с пачкой конфет, бутылкой шампанского и букетом больших ромашек. Я вытасила бутылку шампанского из красивой упаковки.

– О, французское. Ну ладно, я вас прощаю и благодарю.

– Это еще не всё. Вот, посмотрите.

Он подал листок бумаги. Я развернула и увидела написанное стихотворение. Оно называлось:

Врачу с любовью

Прошла, как роман написала,
Взглянула, и песнь зазвучала,
Улыбку загадка венчала.
Как будто любви обещала.

И радуга нежности глаз
Туманом стелилась от вас.

Коснулась рукой, и надежды покой
Тревогой забился, как нимб над душой.

А крест на халате в объятьях с луной
Светил сотворением чудес над бедой.
Большое сердце в любви глазах
И теплота забот в руках.

Их тайный смысл, как поиск вечный,
В груди любовь, наместник крестный.
Укрыли ласковостью глаз,
В наркоз очарованья в вас.

Вот под наркозом я шепчу
И Ксюшу ангелом зову.
«Ксюша, Ксюша, Ксюша,
Юбочка из плюша».

А в глазах ромашек свет,
Дар любви на вечность лет.
Душу венчает красота
И манит песнею сердца.

Под покрывало ИНЬ и ЯН,
Отдать красе святую дань.
«Отпустите, ради бога,
Освободите от наркоза».

В вине наркоза счастья мало,
И отрезвление как отрава.
«Очнись, весна твоя прошла, —
В забвенье шепчут мне года. —

Порывы страсти прошлых дней
Остались в юности твоей».
Все лишь игра воображения,
И в нем лишь песни искушения.

Пусть вырастут от них ромашки,
И бог наречет: «Это Ксюшины глазки».
Но скальпель прозрения волей своей
Мне режет желанья безумных страстей.

Во всем беда, годов не пара,
И Леди грёз лишь в снах награда,
Но хорошо, что есть на свете
Очарование в берете.

Что лебедем на душу села

И Чуткостью своей согрела.

* * *

– Это вы написали сами? – спросила я его.

– А почему нет. Я такой же ученый, как и вы, имею свои труды. Лирика мне тоже не чужда, я её всегда любил. Хотя стихотворение написал впервые. Это от больших чувств к вам. Я вас люблю, леди грёз. Если бы мне скинуть с плеч лет десять и превратиться в дух вашего желанья, то накинул бы на вас фату и унес на своих руках в храм посвящения любви...

– Не бездарно написано, – прервала я его объяснение. – Особенно для первого раза. Что делают чувства с таким серьёзным мужчиной! И ай, и ой. Сожалею, что не могу ответить тем же. Можно его забрать? Оно мне понравилось.

– Да, конечно, это для вас и в память о моих чувствах. Я до вас не встречал женщины, красота которой заставила бы начать писать, чтобы посвятить ей стихи. Хорошо было бы, если бы и у вас появились такие чувства. Я даже не о себе пекусь. Уверен, коснись очарование вас, вы бы написали не хуже. В жизни мало очарований, толкающих душу к песне или любви. Тут уж неважно, отчего вспыхнувшей: от поражения красотой, отношения или просто под инстинктом страсти. Что делается от этого чувства, не требует ни прощения, ни сожаления.

– Красиво написали и красиво говорите. Знаете, что женщины любят ушами.

– Вам бы его ещё красиво оформить и в рамку, пусть на стенке висит. Все будут вам завидовать, и даже дети, если вы его вложите в альбом с фотографиями. Я думаю, у вас немного было больных и возлюбленных, которые могли бы вам посвятить хоть несколько строк.

– В этом вы правы. Этим подарком вы вошли в мою память. Я вас, наверно, долго не забуду.

– Хотите, я его опубликую в газете?

– Делайте что хотите, мне достаточно этого.

– Мне этот стих частично во сне явился. В эти дни как-то виделось, будто вы на каком-то приборе делаете мне полное обследование. Показали на экране компьютера моё сердце, такое же голубое, как ваши глаза. И говорите, что ему по картинке можно только сорок лет дать. Потом показываете на нём мои мозги, и я вас спрашиваю:

– Там через прибор нимба над ними не видать?

– Нет, прибор такого видеть не может, – отвечаете, а я опять:

– Мне вот даже невооружённым глазом виден нимб над вашей головой. Вы святая. Я с первого взгляда на вас его увидел.

– Нет, я далеко не святая, вы ошибаетесь, – прервала я его рассказ. – Хотя любую женщину после зачатия можно считать святой. В данном случае вы частично ослеплены в прямом и переносном смысле. Это с мужчинами бывает чаще, чем с женщинами. Глаукома – это тоже больше мужская болезнь.

– Не будем спорить, так не так, перетакивать не будем. Во сне вы просмотрели на мне все, и даже через сердце, можно сказать, в душу заглянули. Вот тогда я и спросил:

– Так, сколько лет мне еще жить осталось? Ваш прибор не говорит? Скажете? Вы отмолчались, а я вам молвлю: «Если покаюсь в грехах, очищу душу, к безответному минимуму молчания годов пять добавите?»

– Можете покаяться, – ответили вы. – У нас тут кабинет святого батюшки есть. Он за определенную плату вам и напроорочит и больше лет, чем хотите вы.

Между прочим, келью святого батюшки вам в больнице иметь бы тоже не помешало.

Я перебила его:

– Выкиньте эти мысли из головы, забудьте и больше не никогда думайте об этих глупостях. В больнице нет лишних денег. Хотя церкви на территории и не одной больницы уже

существуют долгие годы. А сейчас пойдёмте со мной опять на УЗИ. Надо еще раз посмотреть ваши глаза изнутри. Мозги и сердце ваши меня не интересуют.

– Я готов. Хоть так, хоть эдак, хоть через прямую кишку. Нам, крестьянам, все равно, хоть к барина жене ходить, хоть к барину жену водить. И так деньги, и обратно деньги. Можете меня резать и кушать, я полностью в вашей власти. Я махнула на него рукой, чтоб он замолчал.

Кабинет УЗИ находился на последнем этаже больницы. Убедившись, что с его глазами произошли изменения в лучшую сторону, я сообщила, что буду готовить к выписке, а не к операции. Обратно спускались по лестнице поликлиники, где всегда было мало народу. Он неожиданно взял меня под руку. Я ласково погладила его руку и, освободив её от своей, произнесла:

– Спасибо за проявленное внимание, но ни вам, ни мне этого не нужно.

– У меня просто закружилась голова, и если бы не взял вас за руку, то упал бы.

– Всё у вас в порядке, сказки не рассказывайте.

Когда он выписался и уже выходил из больницы, то зашел в мой кабинет. В это время в кабинет вошли практикантки. Я ему сказала «до свиданья», но он долго не мог встать со стула, как будто его приковали к нему. Потом спросил:

– Я могу идти?

– Да, да.

Он вышел и, не оборачиваясь, ушел. Через некоторое время мне на факс пришло большое сочинение в стихах без подписи и неизвестно от кого:

Ну вот, вы снова мне приснились,
Но тихо, тихо удалились.
Я вас не смог опять догнать,
А так хотелось вас обнять.

Биенье сердца и туман,
Поймать немислимый обман.
Не мучьте, наконец, меня,
Уйдите раз и навсегда.

Какая сила к вам зовет,
Пургою сны о вас метет?
Разгуляй сны, разгуляй сны,
Дурман мне гонит в седины.

Он воображение ласкает
И дымкой горечь навивает.
Пленяет негой – это вы
Стучитесь из моей мечты.

Ксюша, Ксюша, Ксюша,
Как во сне явленье чуда.
Птичка-невеличка,
Ласточка, синичка.

Красота большая,
Доброта степная,
А в глазах ромашкин свет
Льётся в бесконечность лет.

Душа незримой красоты,
Подарок бога для любви.
А голос словно пенье птиц,
Он убивает злобу лиц.

Улыбка прелестью своей,
Смиреньем лечит боль людей.
Ну чем невеста не Христа,
Хотя верней его вдова.

И дай мне бог и дай мне бог
Хоть раз коснуться ваших ног.
Хоть раз обнять, поцеловать,
Тому поэму написать.

Чтоб песню сердца на заре
Расцеловал восход в душе.
Смешною кажется мечта,
Но богом послана она.

В ночах ломает страсти руки,
Зовет душу мою на муки.
Глаза преследуют меня.
Какая сила им дана?

Их свет, небесный, роковой,
В грезах тешится надо мной.
Я сплю всегда в оковах сна,
Что мне являют чудеса.

Сорвите эти цепи грёз
Иль разорвите меж берёз.
Освободите душу мне,
На сонном ложе в душной мгле.

Зачем вы, как распятыя знать,
Мне душу начали терзать?
Своим величьем красоты,
Как звон, зовущий с высоты.

И приговор судьбы во мне
Отдан лишь вашей красоте.
Мадонна ж храма для любви
Ждет принца, но другой души.

Её чудесная краса
Будет испита им до дна.
Его желанием и волей

И богом сотворенной долей.

Когда в губах замрет покой,
Виски затянет сединой,
И от былой красоты лихой
Останется лишь голос свой.

Вы мне останетесь мадонной,
Души свободной, непокорной.
Недостижимая звезда
Будет всегда манить меня,

Как не испитое вино
На аромат зовет и всё
А если выпить, то оно
Уже не даст забыть его.

И что же делать, как забыть?
Другой судьбой как заменить?
«Смотрите на ножки», – я слышу слова,
И взгляд их ласкает, уже не шутя.

Как кошка тихая ползет,
Ложась на юбку, что-то ждет.
Он оценил их наконец
И что задумал, ах, подлец.

Ты раздеваешь, мнешь, ласкаешь,
Ты о приличье забываешь.
Ты безответствен, ты во сне,
И беспредел в твоей душе.

Во сне тебе подвластно все,
Но наяву ты с ней никто.
Ты робок, слаб, смущен и зол,
Негодованием этим полн.

Нет страсти, смелости, ума,
Чтоб сотворить реальность дня.
Не осуждай меня ты, сон,
В объятьях яви только стон.

О, где ты, где ты, храм любви?
Мне б Бога страсти в нем найти,
Свободы дать ему надел,
В любви согласия беспредел.

Свободу ложками черпать,
Чтоб всю её зацеловать.

Как жить, с кем жить и как любить?
Прошу сны в храме научить.

И пусть святители любви,
Мене отпустят все грехи.
Ну, вот уже несут кресты,
И в этой свите есть жрицы.

Как ангелы-хранители,
Несут они цветы,
Ссыпая счастья лепестки
Под ноги, где ступаешь ты.

Во имя вечной красоты,
Чтоб люди шли тропой любви.
Жизнетворящий солнца лик,
Чтоб ты светила каждый миг,

Над головою вознесли
И к свече счастья подвели.
Вот месяцем с небесной тьмы
Уж осветили путь к любви.

Страсть обвенчали святым духом,
Постель любви накрыли пухом.
Тут в храме галстук бы любви
На плечи повязать твои,

А если уж повязан он,
То получите мой поклон.
Возьму смирения венец
Для покоренных вам сердец.

Обет бесправия возьму
И любовь в келье задушю.
Иль молотом любви из спальни
Сомну в бесправье наковальни.

Своих желаний, грех любви,
Как сожженной души угли,
Согреют мне другие сны.
Мышьяк – спасенье от любви,

В сознание боль от седины.
Взаимость седине сложна,
Она в деньгах и славе дня.
Она – метель её годов,

И разность лет зовет богов.

Благословить или сказать:
«Таких во сне вам лишь ласкать».
Ну, дайте ж исповедь любви.

Благословите меня, сны!
Я весь уже давно в крови,
Душевной боли и тоски.
Великой нежности удел,

Приличья требует предел.
«Мораль приличия над тобой
Вскормлена грудью зла людской.
Во сне не может быть такой.

Зря ты сдаешься, будь со мной,
Мы ей поставим крест большой.
И несогласью в упокой».
Сказал мне сон, и вот уж взгляд

Поймал безумия парад.
Казнят порок уединенья
Без всякой боли и стесненья.
Зовёт: «Осмелся, сделай шаг,

Ведь ты мужчина действий, маг.
Ну, преклонись же перед ней,
Дай ей шанс величья дней
И в поцелуях страсть убей.

Пусть близость спального общенья
Казнит плохое настроенье.
Избыточная кровь в висках
Пусть не лишает дремы в снах.

Свершившее убьёт любовь,
И страсть не будет литься вновь.
И дальше быть, забыть, уйти
Решит забвенью красоты.

Ведь близость выткана законом,
Без песни в ней быть приговором.
Бог не восславит близость там,
Где не цвести любви цветам,

Хотя любовь уже есть Бог
И убивать её порок.
Пусть не взаимна, но она
И доступ к телу даст права.

Поэтому дерзай, герой,
Перед отказами не ной,
И в лице слабости её
Испить поторопись вино.

– Хоть раз до визга насладись
И в наслаждении утопись.
Чтоб помнить сладость ощущения,
Плюя на горечь обвиненья.

Но смерть готовься получить.
За без согласия страсть испить.
– Но это ж бред, с Безумством бед
Не лучше ль подписать обет?

С простою дружбою сторон.
И этому отдать поклон?
Или пошли во тьме ночной
Мне сны с любовью гостевой.

Пусть бог подарит мне мгновенья,
Любви на радость в сновиденья.
Но без венчания у Бога,
И, конечно, без развода.
Пусть грезы снов станут наградой,
В контракте с ночью, как отрадой.

И не реальность сновидений,
Легли в постель твоих явлений.
Как засыпаю, слышу зов:
«Контракт моральный на любовь
Для сотворенья с ней готов.

Вас повенчает Бог во сне
Гостевым браком при луне.
Контракт на год или на два,
Срок пробных уз решит душа,

И сможете его продлить
И в патронатный превратить.
И этот брак во снах любви
Будет прекрасней, чем в яви.

Он узаконит сновиденья,
Заочных встреч для наслажденья.
И в грезах снов она – жена,
Будет тебе подчинена.

И свадьба будет, и венец,

Медовый месяц, наконец.
И эта жизнь во снах и с ней
Будет всего тебе милей.

За ревность на такие сны
В морали нет у нас вины.
Она лишь в Боге всем дана.
Но нет морального суда,

А на ответную любовь
Не нужен в снах согласия зов.
Но лишь проснешься, эти сны
Распнут в мученьях виски.

Твоим сознанием того,
Что все в реальности не то.
Она другому отдана
И будет век ему верна.

В ней от ногтей и до ушей
Ласкает он, но не жалеет.
Она во снах будет с тобой,
Всегда святой и молодой.

И эта жизнь твоя, вторая,
Пройдет во снах, но как живая.
И будет с завистью она
Смотреть на эту жизнь сама.

Мы узаконим жизнь двойную
Контрактом страсти как родную.
Ты этой доле подчинись
И не страдай, а улыбнись.

Но вот и в сон она идет,
Накидку расстелила, ждет,
И уж с распятой красоты
Лакаю кровь своей любви.

У изголовья чувств своих,
Венчаю прелесть чувств святых,
Но разродился вдруг в «люблю»
Как боль насилую свою
И это делаю зачем?
Я в памяти останусь с чем?

Ведь чтоб страданий не испить,
Согласье должен получить.
«О, разрешите вас обнять

И сердце чувствами ласкать?

Мой взгляд оближет вас любя,
Как пес в награду для себя.
И зацелую, хоть нельзя»,
Вы ж в яви не моя жена,
Но поднимаю вас на руки
И не испытываю муки.
Вот крест молитвенный снимаю
И в неприличье всё кидаю.

Лобзаньем обвенчал красу
И что-то Богу всё шепчу.
Черною страстью караю мораль.
Ласки по чреву, и меркнет печаль.

Огонь обжигает, и в страсти она
Сама раскрывает для ласок себя.
Глазная богиня, желанья жена,
Ну, вот и зачала от страсти слепца.

После всего у ее ног
Ласкаю прелести живот.
Целую волосы любви
Меж ног былой уже мечты.

И слышу нежные слова:
– Ну, покарай еще меня.
Туманом нереальных грёз
В постели радости до слез.

Пусть ломит грудь от страсти губ,
И плетью грёз ворвется зуд.
В объятьях ног, в объятьях рук,
Закончим неприличье мук.

Явленье красоты зачатья,
Как вопль её – любви распятье.
Как будто в этом страшном сне
Ромашки зацвели в душе.

Глазами самых нежных грёз
И с губ – осыпавшихся роз:
– Такой любви я не ждала,
И не мечтала, и не знала, —

Губами молча мне шептала,
И голову к ногам прижала.
Ну, вот и поднята победа,

Но песнь любви еще не спета.

Сон, сотвори обет молчанья,
Из своих грёз очарованья.
Но рвет рассвет ночи полет.
И нереальность грёз, как лед,
Ломает жизни моей ход.

И песнь любви в очарованье
Рождает боль души в сознание.
«О, где же доктор, господя?»
И шепчет гостя: «Это я.

Сюда любовь нас позвала.
Убитая мечом сознанья,
Но вот пришла из состраданья.
Надежды вы должны испить,
Любовь без права искупить».

– За то, что в снах я вас любил?
Мне боже это посулил.
– Он сам в страданиях преуспел,
Но вам такого не хотел.

– Где выход, радость и покой,
Без одиночества с собой.
И через зов моей мечты
Мне тянут руки красоты
Коварство грёз из моей тьмы.

Желают вновь всё повторить,
Чтоб губ твоих мне дать испить.
Очарованье грёз таких
Прошу в молитвах я святых.
Но, кажется, описал странно.
Простите, если всё бездарно?

* * *

Я сразу подумала, что автором этого стиха мог быть мой бывший больной, который проявлял большое неравнодушие ко мне. Я не знала, как реагировать. Стихи в какой-то мере своей интимностью меня оскорбляли, но если учесть то, что в них не было указано конкретного лица, кроме имени, к которому оно относится, то и оснований для предъявления претензий у меня не было. С другой стороны, они лирически воспевали образ женщины, к которой относились. Однако я понимала, что они относятся ко мне, и к ним возникало двойное чувство. Как на него реагировать, я не знала.

Я решила взять паузу молчания и поначалу хотела их выкинуть, но рука не поднялась, и подумала, отложу, чтоб со временем еще раз прочитать и проверить ощущения своего восприятия. Кто знает, может быть, по прошествии некоего времени я отнесусь к ним совсем по-другому.

Однако через некоторое время мне на факс опять пришло стихотворное послание, которое называлось:

Сон второй

Во глубине ночного бреда
Ищу спасительного плета.
Меня преследуют глаза,
Они как будто б изо льда.

И вся фигура такова,
Прозрачна и обнажена.
Я бы ушел, но вот беда,
Она похожа на тебя.

Ты ледяная, но журчишь,
Как будто что-то говоришь.
И благодать звучанья слов
Зовет меня под твой покров.
Вроде родная, но пустая.
Журчит вода внутри святая.
И так холодна, как мертва,
Что леденею рядом я.

Коснулся, – колокольный звон,
Из сердца вроде льется он,
Души замершей, но живой,
Не допускающий покой.

– Ну, что тебе моя ледышка?
Ты как живая, но пустышка,
И только звон внутри, как стон,
Зовет меня к вам на поклон.

– Освободи меня от льда
Иль стань таким же, как и я.
Тебя с собою я возьму,
Своей любовью награжу.

– Нет, поклонись ей и пройди, —
Мне говорит Бог от души.
Ты же замерзнешь, как она,
Ведь ото льда не жди добра.

И слышу: «Стой, не уходи,
Со мной немного посиди.
Я безобразно холодна.
Хоть это, правда, не беда,

Твоей мечтою я была.
Постель стелила для тебя.
Меня покинула любовь,
Замерзла в жилах моя кровь.

Уж долго я ждала её,
И превратилась вся в стекло.
В слезах постели роковой
Ждала и стала вот такой.

Без страсти в женщине любовь
Как ледяная в венах кровь.
Ты страсть свою мне подари
И теплоту вниманья жди.

Ну, поцелуй и обогрей,
Я стану спутницей твоей.
– О сколько нужно вам тепла,
Чтоб отогреть вас ото льда?

– За то получишь все сполна,
И буду век я лишь твоя.
Ты присмотришься ко мне, седой,
Я ж была песнею твоей.

– Прости меня, о, Боже мой,
Тепла не хватит, я седой.
– Но без тебя я пропаду,
Другого я уж не найду.

– Я отогрею, ты растаешь
И что в подарок мне оставишь?
С собой меня ты не возьмешь.
– А ты попробуй, и поймешь,

И счастье вдруг в воде найдешь.
– Не морочь голову, ледышка,
Ему с тобою будет крышка, —
Промолвил Бог и был готов

Прервать наш диалог без слов.
– Не верь, – промолвила она, —
Послушай чувства, я твоя.
Как идеал твоей души.

Пожертвуй жизнью в дар любви.
Чтоб поцелуй мой получить,
 Попрошу в прорубь вас нырнуть.
Достать кольцо и подарить,

За то готова вас любить.
Я оживу, хоть не отгаю,
Прижмусь и тихо помечтаю.
В одной постели ты со мной,

Мечту подымешь над собой.
– Ну что ж, ныряю за кольцом,
Быть не хочу тебе концом.
Достал со дна её кольцо,

Надел на палец, лед в лицо.

Осыпался, но всё равно
Она как звонкое стекло.
Идет как солнышко само.
Мне руку, сердце предлагает,
От нетерпения страдает.

Принял и начал целовать,
И подарило тело страсть.
Целую все глаза и уши.
Целую ноги, губы, груди,

И лед на теле сладким стал,
И на устах не замерзал.
Лавина страсти, как вода,
Залила тело и глаза.

– Ну что, ты счастлив? – Бог спросил. —
Всё что хотел ты получил.
И в этом счастье твоих грёз? —
А я ласкал, ласкал до слёз.

Уста сомкнулись в страсти грёз.
И вот тогда я к ней примерз.
И хоть замерзла в жилах кровь,
Звучала музыкой любовь.

Я счастлив был, а в глыбе льда
Сей страсти жертвой жизнь была.
Но образ счастья в этом льде
Я подарил себе во сне.

* * *

Это послание я прочитала, и оно мне показалось даже забавным. Подумав, я решила с ним встретиться. Телефона его не знала. Он, однако, не звонил. Перед Новым годом он все-таки позвонил и поздравил меня с Новым годом. Я спросила, не присылал ли он в мой адрес

каких-нибудь факсовых сообщений. Естественно, он отказался, но пригласил меня на чашку кофе. Мне захотелось прервать отношения такого характера. Нет, я не собиралась с ним где-то сидеть с целью продолжения отношений, хоть и не каждой женщине пишут и посвящают стихи, но встретиться нужно было, чтоб заставить признаться, пристыдить и прекратить любое дальнейшее развитие его чувств.

Он встретил меня, как и договаривались, на Тверской улице, недалеко от нашей клиники. Предложил пройти в ресторан Дома ученых.

– Вы, видно, там завсегдатай?

– Можно сказать, да. Я там иногда делаю доклады.

Я отблагодарила его за предложение и отказалась идти, перейдя сразу к сути моей встречи с ним.

– Скажите мне честно, если вы мужчина и можете отвечать за свои поступки, почему вы не признаетесь в том, что послания мне это ваших рук дело?

Он выжидающе молчал. И я продолжила:

– Мне не нужно никаких сюрпризов, ни по факсу, никаким другим образом. Я поздравляю вас с наступающим Новым годом, и давайте останемся друзьями. Забудьте меня как женщину. Я была просто ваш лечащий врач. Все моё отношение к вам было продиктовано моими профессиональными обязанностями. Я не артистка, чтоб иметь вокруг себя фанатов, которые от любви иногда делают безумства. Конечно, мне правильнее философски отнестись к такой жизненной ситуации, но ваши стихи могут принести неприятности не только мне, но и вам, а если жена узнает? Вы нарушаете кодекс семьи и предаёте обет верности.

В это время мы подошли к тому месту, где меня ждала машина. За рулем сидел мой ухажер, который постоянно заезжал за мной. Он так же, как и я, был врачом и заканчивал аспирантуру. Увидав меня, он выглянул и подал сигнал.

– Вам пора, – отреагировал он на сигнал, – но помните, у меня к вам чистые чувства с преклонением перед образом мечты, и вы его олицетворение. Вы леди грёз. Беда моя в том, что живу я по законам веления сердца. Что касается верности в любых изживших себя отношениях, то в этом случае её лучше называть предательством совести, но я уже давно разведен и одинок. Разве я вам об этом не говорил? Единственная дочь уже давно взрослая и самостоятельная личность.

Он опять перекрестил меня, как перед операцией, добавив, что любовь – это Божья благодать и только в его силах её остановить.

Я, усмехнувшись, махнула рукой и села в машину. Казалось, я разрешила проблему, и никаких сообщений, никаких звонков вроде бы как больше не было. Однако это, как выяснилось позже, не было правдой. Все-таки мне на факс однажды вновь пришло некое послание в стихах, о котором мне не доложили сразу. Это произошло тогда, когда меня в кабинете не было. Его на этот раз принял уже молодой аспирант, тот самый, который был закреплен за моей кафедрой и долгое время упорно ухаживал за мной. Часто находясь у меня в кабинете по профессиональной необходимости, он принимал звонки, и этот стих, пришедший на факс, его шокировал, а назывался:

Сон третий

Сквозь тьму ночей колокола
Зовут в туманы снов меня.
Ой, туманы, мои туманы,
Туман ночей, во снах романы.

Колокола, колокола,

Звон их в туманах снов всегда.
Леса, поля и небеса
Напоминают мне тебя.

В озерах глаз твоих давно
Русалки горя моего.
Поют мне песни и зовут,
Как будто счастье продают.

– Купи, купи за право быть,
С любой и счастье получить,
От щедрого царя глубин,
Где царствует порок один.

Разгул не сватанной любви,
Её любили моряки.
Отдай нам страсть, ты по одной,
Мы пустим в храм тебя морской.

Расстелем простыни любви,
Ты нам себя всем подари.
Ну, разве хуже мы ее,
Кого ты ищешь так давно.

У ней всё то же, что у нас,
Ну, хоть попробуй один раз.
Нашу любовь и наше тело,
Чтоб мука страсти не кипела.

Ну, посмотри на наши груди,
На наши глазки, губы, руки.
И сок любви в грудях кипит.
И на сосках росой лежит.

Испей, любимым быть велит.
И страсть любви боготворит.
Ну чем не ангелы любви,
И даже есть в паху усы.

– Свинцом залейте уши мне
Иль утопите страсть на дне.
Молю богов, клялся красе,
Что буду жить с одной везде.

Зачем, русалки, вам пред мной,
Скрывать богиню под водой?
– Мы отдадим её тебе,
Положим в ложе при луне,
Свечу подержим, и споем,

И даже ноги разведем.

А если страсти будет мало,
Мы ей потрем любви начало.
Ты от рожденья своего
Такой не знал ни у кого.

Будет прыгать, и смеяться,
И твоим телом наслаждаться.
Ну что, подписывай контракт,
И мы с тобой идем в кабак,

Потом завалимся в постель,
Раскрутим страсти карусель.
А коль не так, то нам наскучишь.
И право с нею быть получишь,

Легко отрубим тебе то,
Что для дам не все равно.
– Нет, я согласие не даю.
Любви такой я не хочу.

Тогда помучайся немного,
Мы с тебя сделаем святого.
Вот тебе бокальчик с дыркой,
С дамой в страсти очень пылкой.

Из бокала не напьёшься,
С дамою не развлечешься.
В ней нет того, что есть в бокале
И все прелести в обмане.
– О не пугайте, мне смешно,
Я покажу сейчас кино.
И верность докажу свою,
И соблазн кары вам собью.

Вмиг спустил с себя штаны
И порубил на пятаки,
Что в них скрывают мужики.

– И сам не гам, и нам не дам. —
Русалки бросились к ногам.
– Кому ж ты нужен вот такой?
Будут смеяться над тобой.

Какой же глупый, хоть седой,
Ну что поделать, черт с тобой.
Мы отдаем твою любовь,
И ты не кашляй, будь здоров.

Люби её, хоть так, хоть эдак,
Дурак, наверно, был твой предок.
Без этого с тобой она
Другого будет ждать всегда.

Ну, вот она сама идет,
В постель ложится, счастья ждёт.
А я шепчу ей: «Не могу».
Она: «Не бойся, помогу».

Коль даже женщины друг другу
Приносят радости по кругу,
То вам, мужчинам, горевать
Нельзя, надо уметь ласкать.

Она ко мне прижала грудь,
Нагнула голову и чуть
Коснулась воспаленных губ,
И рухнул весь русалкин суд.

Вином с бокала грудь залила,
Его меж ними пить просила.
Потом его испил с пупка
И меж ногами у лобка.

Святое грешное вино,
Лакал уже меж ног её.
Увидев то, как муж ласкает
И дама в счастье замирает,

Они от зависти своей
Решились к каре посильней.
– О, ты, проклятие над нами,
Ты даешь счастья чудесами.

Тебе, однако, есть глазами,
Достаточно для наслажденья с нами.
Но мы лишим тебя и глаз
За то, что ты отвергнул нас.

И оскорбленная душа,
С карой низвергли небеса.
– Мы так мечтали и желали,
Чтоб ты испил и страсти наши,

Но отказался от русалок,
Вот и проклятье лишь в подарок.
– Я не делю страсть на других,

Кого не суждено любить.

И остаюсь во снах своих
С любовью для сердечных лиц.
Мечь, мной не избранных душой.
Не изменит судьбы моей.

– Ты ошибаешься, глупец,
Получишь кару как венец.
И яркая краса девиц
Померкнет в слепоте десниц.

Ведь красота глазам слепца
Будет совсем уж не нужна.
Уродство тела на обзор
Кары исполнит приговор.

Пусть лишь уродина, старуха
Тебе составит радость духа.
Ты не увидишь прелесть тела,
И до него не будет дела.

Ни пальцев, губ, ни языка
Мы не оставим для тебя.
Чтоб нечем было тело знать,
Его забудешь ты искать.

Нужна ли будет страсть слепая?
Пусть будет даже золотая.
Души порой благотворенье
Тебя утешит на мгновенье.

Как евнух зренья и урод,
Ты не продолжишь уже род.
На ошупь ждать будешь любви
И не получишь ласк, не жди.

Так кара женского суда
Ни зги надела на глаза.
Обрезав губы ласк, язык
И пальцы, в сон ворвался крик.

Проснулся весь в поту, ругаюсь,
Каре русалок усмехаюсь.
Сон муками, за что карает?
Чью волю мести выполняет?

Судьба сначала в спину бьет,
Потом как обухом и в лоб.

И в чем спасенье, Бог не знает,
Душа страданья проклинает.

* * *

Он принял это послание как недоразумение, наподобие спама или некой телефонной ошибки. Все бы так и забылось, но через некоторое время служба доставки принесла мне в клинику огромный букет роз с тремя огромными ромашками посередине и маленький аквариум с золотой рыбкой. Ромашки всегда присутствовали в его букетах, отличая их от других. Они ещё раз напоминали о нем и его преклонению ромашкам, как Ксюшиным глазкам. В этом букете роз лежало письмо со стихотворением.

Прощай

Ну, вот и все, и я никто,
Прощай, влетевшая в окно.
Я твоим воздухом дышал,
В глаза смотрел, себя искал.

Ты, что мне в снах постоянно являлась,
А на взаимность любви не решалась,
Но осветила глаза мне прозрением,
Душу, заполнив красы упоением.

Вот, подскажи, чем судьба отогреется?
Может, в монахах у бога утешится?
Что пригорюнилась и призадумалась?
В сердце красы моя боль не прослушалась?

Я вас лелеял и часто ласкал,
В очарованье ночей своих звал.
Ну, отпустите ж меня наконец
Или казните, коль в чем-то подлец.

Как развенчать мне образ ваш
И грезам высказать «шабаш»?
По зову сердца своего
Я утоплю их все, как зло.
Но, видно, хрупок мой сосуд,

А бремя лет – заросший пруд.
Ладья любви для молодых.
Над гладью пруда годов крик,
Души, хватавшей счастья миг.

Я ваш утопленник давно,
В глазах целующий им дно.
Вы мне когда-то улыбнулись
И в сердце радостью забились.

Теперь прощайте навсегда,
Любви свершается судьба.
Ну, вот голубкой залетели
И на коленки мене сели.

– Что ждете? Не любви ль обета?
Не поученья ли с Завета?
Иль излишня из души?
Во взгляде нет опять любви.

– Я к вам явилась, вы не рады?
Во мне не видите отрады?
– За муки страсти вы награда,
Просите дар, вниманье свято.

– Ну, вот, я этого ждала,
Немного дай мене огня,
Из сердца счастья своего,
В груди моей совсем темно.

Хочу, как вы, жить и любить,
И жаром страсти засветить.
Нет в моих чувствах упоенья,
И мне не снятся сновиденья.

А мгла ночей моих, прости,
Не тербит моей души.
Не вижу миггов для блаженства,
Манящих снов до искушенья.

– Ну что ж, испей, испей огня
Из сердца, где парит роса.
Что, трудно жить вам без меня?
Огня, огня хочет краса?!

О, ты, пленяющая особа,
Любви и верности до гроба,
В разорванной моей груди
Лакай огонь мой до зари.

И в спешке крыльями огня
Глаз не гаси ни уголька.
Краса тихонько, боже мой,
Произнесла: «Прости, седой.

Не виновата я, беда,
Нет в сердце жара у меня.
Разбита этим вся судьба.
Любовь наука забрала.

Хочу кого-то я любить
И этот жар ему дарить.
А жара уже в сердце нет,
И нет звезды, дарящей свет».

– Мне, может, в птицу обратиться,
Чтобы огнем в любви делиться?
Как вам явить огонь для счастья?
С чем-то должны вы распрощаться.

У лебединого причала,
Где любовь вечностью звучала.
Ребро любви нужно сменить
И где-то новое вам вшить.

И разродитесь вы яйцом
Большой любви, её теплом.
Теперь исчезните, летите,
Крылом мне только помашите.

Огонь из сердца будто жертву
Пока дарю в полет, как песню.
Как фату завтрашнего дня,
С огнем и песней без конца.

Но вот фату огня, что я
Подарком сделал от себя,
Другого сердца не заденет
Да и обрадовать не смеет.

Её порвет печаль измены,
В душе оставив накипь пены.
И лишь ребенок из яйца
Вас будет радовать любя.

Прости, влетевшая в окно,
Что так в глазах моих темно.

* * *

Мой друг аспирант не знал, от кого этот букет, и передал мне, но когда я прочла письмо, то скорее расстроилась, чем обрадовалась. Его заинтриговало моё выражение лица, и он стал интересоваться причиной. Я ему все послания показала, но правильно разъяснить не смогла, и он сказал, что это бред выживающего из ума немолодого мужчины.

Меня этот ответ расстроил, и я, спросив себя, почему, ответа не нашла. Вечером, придя к себе домой и собрав все его послания, еще раз прочитала их. Вот незадача, опять расстроилась, ведь уже седой мужчина, а впал в юношескую стихотворную романтику. Тут поймала себя на мысли, что он напоминает мне чем-то моего отца. Вспомнила и то, что и сама в юности

писала стихи. Когда мои стихи, в которых я выворачивала интимность своей души, привели к трагедии, я зареклась никогда больше не писать.

Стихи требуют откровенности, а у каждой женщины должна быть тайна.

Боже мой, говорила я сама с собой, он в стихах довольно смел и, похоже, не думает о возможности своего осуждения. Мне казалось, что его стихи терроризируют сознание и провоцируют смутные, и даже непристойные, мысли, требующие какого-то поступка. С этими мыслями я уснула.

Проснулась от удивления странному сну. В этом сне я как будто попала на какой-то банкет артистов. Сначала видела, как он со сцены, похожей на улицу большого города, читал свои стихи от мужского имени. Перейдя к стиху от женского лица, он вышел в женском облике матрешки. Такая же разухабистая, девчонка в платке подыгрывала ему на гармошке, а гуляющая молодежь развлекалась вокруг него танцами и прыжками в чехарду. Толпа женщин из её глубины зала, увлекаемая его стихами, то надвигалась, обступая его, то как будто в ужасе от них отступала снова. Однако из зрительного зала после его выступления осмелились вынести ему только один букет цветов две молоденькие девушки. Они поцеловали его в обе щеки и быстро сбежали со сцены. Он достал один цветок из букета и бросил в зал. Он как будто попал мне в руки, я взяла цветок и вижу, это не цветок, а листок бумаги. На листке были следующие стихи, которые он только что прочел от женского имени. Он назывался:

Сновиденье

Что же делать? Что же делать?
Что же делать, как мне быть?
Как мне счастья, как мне счастья
Своего не упустить?

Ну, вот и замуж уж зовут,
И не один, а трое ждут.
Трое, трое, трое ждут
И выбирать мне не дают.

Оком, оком, оком, оком
Я прикинула дела.
Каким боком, каким боком
Я терять кого должна.
И приснилась мне судьба,
Будто я уже жена
И Ивана, и Коляна,
И кудрявого Степана.

Ой-на-на, нет, ой-на-на, нет,
И так и сяк, и сюда нет.
И сюда нет, и туда нет,
И как решить мне свой сюжет?

По моральному контракту заключила договор.
И у Бога попросила узаконить уговор:
В воскресенье я жена у Ивана.
По субботам я жена у Степана,

А в рабочие дни у Коляна.
Квадрат любви.
О, Бог, прости.

Ла-ла-ла-ла-ла. Лям-пам-пам,
Я вызов бросила людям.

Любить троих зовет душа,
По зову сердца день за два.
Я краса не народная,
Но в душе благородная.

А мне говорят: «Ты что?
Ты греха натянула ярмо».
А я им в ответ: «В чем беда?
Все довольны друзья, ну и я.
Не убили за меня никого.
От любви захлеб хорошо».

Мне и счастья другого не надо.
Родила я всем трем мальчугана.
И сейчас три отца у меня.
Полигамная семья, как мечта.
Но проснулась от сна и рыдаю,
О постели со всеми мечтаю.
«Что за чушь? – так сказала мне мать. —
Надо просто с тремя переспать,
Пробной постелью, чтоб душой не страдать,
Но в мужья для семьи одного выбирать».

Ла-ла-ла-ла-ла. Лям-пам-пам,
Пошли вы, сны, ко всем чертям.

Но что же делать, как мне быть?
Быть вообще или не быть?
Может, всех мене забыть?
Чтоб судьбу не бередить.

Трое замуж зовут,
Трое любят и ждут.
И ночами со слезами я их все-таки люблю,
И всё думаю, думаю думу свою.

* * *

– Странно, – промолвила я, прочтя их, – в стихе пишет о какой-то мечте матриархатного многомужества, а на сцене ему проявляют полигамную любовь дамы. При всем этом он проявляет знаки внимания ко мне. Меня это удивило, если не сказать возмутило, но я, как будто гонимая неведомым желанием, уже на банкете решила взять цветы со своего столика и препод-

нести ему. Это вышло само собой, скорее из чувства жалости или долга взаимной благодарности за проявленное внимание. Видно, оно обострилось еще тем, что на заключительном выходе артистов его не было. Не было его и в дальнейшем выступлении артистов, которое состояло из песен и коротких инсценировок, вроде как для избранных.

Окончательно подтолкнул меня на этот поступок официант, который поднес мне большой торт, на котором был изображен мой седой поклонник. Он в виде шоколадной куклы сидел на диване в таком же

шоколадном браслете, держа над собой большую ромашку.

– Оригинальный торт, – воскликнула я, – и очень похож на выступавшего здесь поэта. А где можно найти этого человека?

Он мне подсказал, и я, взяв торт и цветы, пошла к указанному столику. Подойдя, увидела, что он сидит в окружении тех двух красивых молоденьких девушек, которые подносили ему цветы на сцене. Я неожиданно растерялась, но, собравшись все-таки, преподнесла ему этот торт и цветы, поблагодарив его за стихи. Чтоб не быть голословной, отметила их образность, которая не может оставлять женщин равнодушными. Он принял подарок и, усмехнувшись, поцеловав мне ручку, посадил рядом с собой. После поцелуя он как будто сразу помолодел. Я удивилась, а он сказал, что это закономерно, ведь любое небезразличное прикосновение к молодости мужчину делает моложе.

– Разве общения с этими молодыми девушками вам недостаточно? Зачем вы пытаетесь ухаживать за мной? Я ведь гораздо старше их.

– Эти девушки из моей молодости, – отмечал он. – Они остались такими молодыми потому, что такими я их воспел в своих стихах. Теперь и вы останетесь такой же молодой на века, потому что я вам тоже посвятил свои стихи.

Я посмотрела ему в глаза и тихо произнесла:

– Спасибо, но почему вы их бросили?

Он посмотрел на меня сверху вниз и, задумавшись, ответил:

– Первая была очень красивая, и я её любил. За ней ухаживало много парней, а она была как неприступная крепость. Только когда её обманули и бросили, она дала мне согласие и ответила взаимностью. Неудачный пробег по любви, однако, не научил её любить. Даже после нескольких лет жизни она была холодной, как дохлая кобыла в постели, и совершенно без эмоций. Одним словом, была никакой женщиной в постели и жизни. Моя страсть вскоре исчезла, я привык к её красоте и уже не замечал её. Отсутствие эмоций, внимания остудили и мои эмоции, это и стало причиной расставания.

Вторая девушка была не столь красивой, как первая, но была очень эмоциональной. Она всегда разжигала меня и внесла в мою жизнь моменты счастья. Я её защитил от насилия, но её любовь была всего-навсего благородной благодарностью. У нас не было ничего общего, кроме семейных забот, и бытовые проблемы не позволили её благодарности перерасти в настоящую любовь. Её периодические жертвоприношения в виде прощения моих грехов не могли того же возродить во мне.

Я не знала, как реагировать, а он как будто обнял меня и стал говорить:

– Я все думаю, почему красивые женщины, или очень недоступные, или уверенные в своей притягательности, совсем наоборот, очень доступны. Как обычно они холодны и всегда хотят подчинить мужчин себе, чем рано или поздно отталкивают. Менее красивые, если не эгоистичны, обычно более счастливы. Они стараются служить мужчине и обычно менее трагичны к небольшим нарушениям супружеской верности.

– По-моему разуменью, основой семьи должна стать душевная гармония, – вроде как освобождаясь от его объятий, возражала я.

– Да, да, душевность чувств и единая занятость при общих интересах – это важно, но общие интересы порой подменяют любовь душевных чувств. Плохо это или хорошо?

Не знаю. Похоже, они порой ложно провоцируют людей на любовь. Сомневаюсь и в наличии вечной любви. Пока бытовые и имущественные проблемы не будут исключены, то проблемы человеческого счастья будут постоянны. Индустрия секса в скором разовьется так, что даже полностью импотентные мужчины и фригидные женщины этим не будут создавать проблем друг другу. Тогда и наступит время настоящей любви, если люди сумеют исключить имущественную значимость любовников. Развитие услуг бытового характера со временем освободит семьи и от бытовых проблем. К сожалению, сегодня это дорого. Я таких услуг себе позволить не могу. С радостью преклонюсь перед женщиной, которая ответит на мою любовь искренней взаимностью и исключит былые проблемы, которые меня мучили с другими.

– У вас с таким общением и поклонением не могло найтись достойной женщины? Что-то это меня не убеждает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.